
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Сукиасян С.Г.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В данной статье представлены результаты нашего исследования отдельных форм поведения человека, который, будучи биосоциальным существом, проявляет как социальные, так и биологические потребности, мотивы поведения и реакции. В отличие от животных он способен совершать действия, которые не укладываются в рамки разумного поведения. Стремясь к созданным им самим идеалам, человек, в то же время, постоянно нарушает эти рамки. В литературе доминирует интеракционистский подход к поведению человека, развиваемый психологами, социологами, антропологами, этологами, который рассматривает поведение как итог взаимодействия психологической и биологической природы человека и окружающей среды. Исследование проводилось с помощью разработанных нами ситуационных задач исходя из концепции Эрмана и Парсонса об «эволюционно стабильной стратегии поведения». Анализ полученных ответов выявил довольно интересную картину, отражающую поляризацию общества, переоценку ряда традиционных, то есть, социально обусловленных явлений, и, вместе с тем, стабильность многих основополагающих ценностей и феноменов, обусловленных исключительно биологическими механизмами. Чтобы понять человеческую сущность, нужно понимать, что гены и культура действуют вместе в ходе единого процесса генно-культурной коэволюции. На основе амбивалентных тенденций в человеке формируются те или иные установки, на фоне которых развивается интеракция с окружением, требующая сознательного решения. Личность человека обладает относительной автономностью, что предполагает возможность поведения вне видимой связи с конкретной ситуацией. Полученные нами данные подчеркивают роль и социальных, и биологических факторов в проявлении и становлении определенных форм социального поведения. Наши результаты показали амбивалентность поведения человека, конфликт между социальными нормами и внутренней сущностью и жизненными ориентирами каждого человека, а также не свободу личности в сфере социального поведения от ограничений, наложенных на него эволюцией. Личность человека определяется степенью «человечности», которая, в свою очередь, определяется тем, как мы относимся к другим людям, к живой и неживой природе, миру в целом, каким «богам» поклоняемся, какими ценностями ориентируемся во враждебном, в принципе, мире. В основе поведения человека лежат определенные биологические механизмы и структура, а также морфологические изменения мозга, которые формируются в фило- и онтогенезе человека как такового. Таким образом, можем предположить, что современный человек сохраняет в себе все (причем, не всегда наиболее целесообразные и выгодные) генотипические и фенотипические характеристики и свойства, когда-либо проявленные его предковыми формами. Старый признак не исчезает бесследно, а сохраняется как архаический феномен, и вместо него начинает действовать новый признак, который, в свою очередь, на очередном цикле развития, утрачивает свой адаптивный характер, и уступает место новому феномену.

Ключевые слова: психология поведения, биологические корни поведения, социальные корни поведения, агрессивное поведение, амбигенность поведения, амбигенность, девиантное поведение, ситуационные задачи, мера человечности, полифильность человека.

Abstract. The present article presents the results of the study of different forms of behavior, with the help of self-developed case studies based on Herman and Parsons concept of « Evolutionary stable strategy of behavior.» The analysis of the responses reveals an interesting picture of the polarization of society, the re-evaluation of traditional convent, that is, socially conditioned phenomena and at the same time, the stability of many fundamental values and phenomena caused especial by biological mechanisms. According to the biosocial concept of human being, a person usually manifests social and biological needs, motivation of behavior and different reactions. Unlike animals, he is able to perform actions that do not fit within the scope of rational behavior. Aiming for the ideals created by him, a person,

Инициативное теоретическое исследование

DOI: 10.7256/2070-8955.2016.4.19431

343

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

at the same time, constantly disturbs these limits. Most of psychologists, sociologists, anthropologists, etiologists considered human behavior as a result of interaction between psychological and biological nature of human being and environment. In order to understand human nature, it is necessary to comprehend that genes and culture works together in one process of gene-culture co-evolution. Various attitudes are formed in terms of ambivalent cognitions, superimposed on development of interaction with environment (requires a conscious decision). Personality of human being has relative autonomy, which implies the possibility of behavior irrelevant with certain situation. Received data emphasized the role of both social and biological factors in manifestation and development of certain forms of social behavior. The research results showed ambivalence of human behavior, conflict between social norms and internal essence as well as lifestyle of each person, and not freedom of the individual in the social behavior of the restrictions imposed on him by evolution. Human personality is determined by the degree of «humanity», which, in turn, is determined by how we relate to other people, to animate and inanimate nature, the world as a whole, what kind of «god» we worship, what values guide in these hostile world. The human behavior is based on specific biological mechanisms and structure, as well as morphological changes in the brain, which are formed in phylogenesis and ontogenesis of the man. Consequently, it can be assumed that modern human retains all (and not always the most appropriate and profitable) genotypic and phenotypic characteristics and properties as a manifestation of his ancestral forms. The old sign does not disappear completely, but is stored as an archaic phenomenon. The new feature is started to operate instead of the old one, which, in turn, on the next cycle of development, loses its adaptive character, and gives place to a new phenomenon.

Key words: polyphyly of human, measure of humanity, situational tasks, deviant behavior, ambivalence, ambivalent behavior, social roots of behavior, aggressive behavior, biological roots of behavior, psychology of behavior.

Несмотря на любые нормальные и отклоняющиеся формы поведения, возможные у любого человека, в каждом из нас, в нашем человеческом существе отражается «животное» начало. Наиболее «простое» и распространенное объяснение этому опирается на позиции биологизма, исходящего из того, что человек является не только общественным, но и природным существом, и ему свойственны как социальные, так и биологические потребности, мотивы поведения и реакции. Так оно и есть. Зверем движет чистая потребность, естественная борьба за существование; он «агрессивен» ровно настолько, насколько этого требуют его потребности (инстинкты) – бороться с тем, кто посягает на его ареал, на его самку, на его кусок мяса или пучок травы. Большого ему не надо [1]. И лишь только человек, будучи «зверем», очеловеченным человеческой средой, зачастую совершает такое, что, порой, не лезет в рамки естественного, разумного поведения. Его поступки и действия зачастую выходят за рамки тех гуманистических представлений, которые создал сам человек, и сам же стал их жертвой, заложником в своем постоянном стремлении быть лучше, приближаться к идеалу. Лишь человек подчеркнуто недоверчив к себе подобным, особенно незнакомым, подозрителен и готов к агрессии [1]. Человечество стремится к созданным им самим идеалам; в то же время, оно в повседневной действительности постоянно нарушает эти рамки. Как справедливо замечает Brown D.E., недоверие к незнакомцам представляет собой одну из поведенческих универсалий [2, 3]. Но

это «Человечество» не является абстрактным понятием, и оно состоит из отдельных «человеков», которые постоянно живут этими идеалами или постоянно нарушают их. Так называемые «прогрессивисты» (то есть противники биологизаторского подхода к человеку) считают, что нет каких-либо значимых биологических различий между теми, кто соблюдает нормы социального бытия, и теми, кто их нарушает. Нет также генетических особенностей личности, детерминирующих соблюдение социальной нормы [4]. Хотя с этим последним утверждением можно не согласиться, учитывая последние достижения палеогенетики [5]. Конечно, передаются не генетически детерминированные свойства нарушать социальную норму, а естественные инстинктивные механизмы (агрессии), обеспечивающие приспособление особи в меняющихся условиях биологической, социальной и психологической среды.

С начала 80-х годов прошлого века в литературе стал доминировать интеракционистский подход, развиваемый психологами, социологами, антропологами и, конечно, этологами, рассматривающий поведение как итог взаимодействия человека, его психологической и биологической природы и окружающей среды – макро- и микро-среды, естественной и социальной. В результате влияния самых различных факторов среды (культурной, социальной, естественной, техногенных, антропогенных и т.д.) явно намечается тенденция к расширению границ поведенческой нормы у человека. Человек сам, на основе своей биологии, создает культуру в процессе своей со-

циализации, развивает ее, создает определенные культурные рамки, и подчиняется ее законам и правилам (язык, вера, обычаи, мораль) [6]. Технические достижения современной цивилизации создают своеобразную среду, диктующую совершенно новые отношения между человеком и средой, что резко меняет сложившиеся стандарты и нормы социального поведения людей. Чтобы понять человеческую сущность, нужно понимать, что гены и культура действуют вместе в ходе единого процесса генно-культурной коэволюции [7, 8]. Недостаточно анализировать поведение отдельно с биологических и гуманитарных позиций, необходимо взаимопонимание между специалистами этих наук.

Агрессия и агрессивное поведение – необходимое, эволюционно закрепленное свойство человеческой природы, но она рассматривается также как чуждое человеческому обществу поведение. Этологический подход к пониманию агрессии исходит из того, что она является, с одной стороны, инстинктивно предопределенным, а с другой, – социально обусловленным поведением; она напрямую связана с удовлетворением важных жизненных потребностей. Блокирование одной из них вызывает усиление агрессивных тенденций [1]. Агрессивное поведение является амбивалентным, с одной стороны, и амбигенным, – с другой. То есть она двойственна по своему генезу (естественная сущность человека и его социальная природа), и двойственна по отношению к чему-либо, проявляется в одновременных двойственных, противоположных тенденциях. На уровне личности патологический или непатологический характер агрессии определяется как соответствующим качеством фрустрируемых потребностей, так и количественными характеристиками агрессивного поведения, а кроме того – его социальной направленностью. Приспособление в меняющихся условиях среды может принимать различные формы – от пассивно-оборонительных до агрессивно-наступательных. То есть, человек может исходить из самых высоких божественных и гуманистических идеалов и ориентироваться ими в повседневной жизни; он же может «служить сатане». И в том и в другом случае, при этом, исходить из меркантильных интересов. Формирование определенных потребностей и интересов, мотивов и целей поведения, процессы принятия и осуществления решения о совершении того или иного поступка реализуются, с точки зрения Русалова В.М., на основе психики, психических процессов, имеющих биологическую природу [9].

На основе амбивалентных тенденций в человеке формируются те или иные установки, на фоне которых развивается интеракция с окружением, требующая сознательного решения. Если решение, связанное с фоном, оказывается невозможным и если оно осциллирует между противоположными полюсами (амбивалентность), то невозможным становится и волевой акт – решение выбора одного из противоположных видов активности (амбигенность). Как амбивалентность, так и амбигенность относятся к симптомам расщепления (schizis). Выше мы стремились показать, что расщепление волевого акта (амбигенность) является следствием эмоционально-чувственного расщепления, т. е. амбивалентности. Остается открытым вопрос, каким образом это расщепление возникает, либо, формулируя вопрос по-другому, почему таким трудным оказывается вопрос выбора основной эмоционально-чувственной установки? Как отмечает Кемпинский А., трудность выбора пропорциональна трудности ситуации; идя по ровной дороге, мы не задумываемся о том, как поставить ногу; ходьба осуществляется без сознательного регулирования; спонтанная свобода утрачивается и дальнейшая активность требует сознательного решения, когда дорога становится трудной. В первом случае решение о том, какое выполнить движение, осуществляется быстро, только часть нервной системы при этом задействована, так как функциональные структуры вследствие многократного повторения данной активности были редуцированы до абсолютно необходимых [10]. Понятие амбивалентности (амбигенности) мы используем не в блейлеровском понимании, именно как шизофренического расстройства, а исходим из того, что данный феномен имеет свой «нормальный» вариант: человек со здоровой психикой также может ощущать в себе «две души»: он может одновременно чего-то желать и избегать. Обычно нормальный человек удерживает в равновесии противоположные желания и тенденции. Зигмунд Фрейд считал, что амбивалентность – врожденное качество личности. Причины ее заключаются в самой противоречивой природе человеческой психики в двух разнонаправленных векторах – в Танатосе и Либи́до: влечении к жизни и стремлении к смерти. При этом второй позыв появляется позже, чем первый, так же, как в интимных отношениях нежные чувства рождаются раньше, чем враждебные.

С моей точки зрения следует учитывать, что личность человека обладает относительной автономностью. Я имею ввиду, что человек может поступать так или иначе вне видимой связи с конкретной ситуацией, вне прямого непосредственного

воздействия среды на человека. То есть, человек может совершить то или иное действие, поступок в ситуации, совершенно не предрасполагающей к нему. В то же время в трудной, напряженной, ответственной ситуации даже самый отъявленный рецидивист может воздержаться от свершения преступления. И примеров тому огромное количество. Это же свидетельствуют результаты моего исследования социально-биологической обусловленности природы человека и его поведения, которое я представил в монографии «Агрессия: социальный или биологический феномен?» [1], изданной еще в 2002 году. Заметим, что исследование было проведено среди здоровых людей.

Экстремальная ситуация сложившаяся на территории постсоветской Армении вызвали ряд неблагоприятных явлений не только в сфере материального производства, но также и в области морально-нравственных, социально-психологических аспектов общественного развития. Кризис во всех отношениях (землетрясение, социально-политические трансформации, война, блокада) резко повысил уровень напряженности общества, что проявилось заметным ростом девиантных форм поведения и агрессивности, повышением заболеваемости и смертности, нарастанием уровня невротизации в обществе [11, 12].

С целью исследования природы (социальной или биологической) тех или иных форм поведения (отклоняющихся, преступных, агрессивных, нормальных и т.д.), мы провели анонимное обследование лиц, живущих в условиях пролонгированного перманентного многофакторного кризиса. В своем анализе тех или иных форм поведения человека мы исходили и учитывали концепцию Эрмана и Парсонса об «эволюционно стабильной стратегии поведения» [13], исследования Макфарленд Д. [14].

Обследование проводилось с помощью трех разработанных нами ситуационных задач. Каждая из них предлагает до 7-и ответов на конкретную ситуацию, из которых респондентом выбирался один, наиболее соответствующий его личности. Из распространенных 150 бланков мы получили обратно 116. Среди респондентов было 33 мужчин и 83 женщины в возрасте от 18 до 75 лет, представленных следующим образом: до 30 лет – 44 (38%), 31 – 40 лет – 29 (25%), 41 – 50 лет – 16 (14%), 51 – 60 лет – 13 (11%) и старше 61 года – 14 (12%) респондентов. Опрос проводился преимущественно в организованных трудовых коллективах, поэтому оказалось, что большинство наших респондентов (78 чел., 67%) имели постоянную работу (что в целом не соответствует реальным показателям в стране), 19 опрошенных (16%) обучались в высших учеб-

ных заведениях и 19 (16%) были безработными и пенсионерами. Состояли в браке 62 респондента (53%), 54 (42%) были вне брака, из которых 12 (10%) были разведенные и вдовы. Несмотря на кажущуюся социально-бытовую обустроенность, 74 респондента (64%) считали себя не обеспеченными людьми. Каждый из респондентов должен был решить следующие три ситуационные задачи – нейтральную, активную, враждебную.

Рассмотрим ситуационные задачи, представленные нами на решение.

Задача N1. Вы идете по безлюдной пустыне и вдруг встречаете лавку торговца, где никого нет, и на прилавке лежит дорогое ожерелье. Вы:

1. берете ожерелье и спокойно удаляетесь,
2. берете ожерелье и убегаете,
3. кроме ожерелья начинаете искать еще кое-что «забытое»,
4. не обращаете внимания и продолжаете Ваш путь,
5. зовете хозяина лавки и предупреждаете об оплошности.

Задача N2. Добравшись до людного города, Вы наткнетесь на толпу людей, грабящую нагруженную полезными вещами машину. Вы:

1. сразу подключаетесь к грабежу,
2. участвуете после колебаний,
3. пытаетесь приостановить грабеж силой,
4. оставляете и удаляетесь.
5. ждете, что же достанется Вам в конце грабежа,
6. пытаетесь незаметно что-то ухватить для себя,
7. пытаетесь объяснить им суть творимого.

Задача N3. Вы находитесь в крайне тяжелом положении – вы безработный, полуголый и полуголодный. Дома Вас ждут голодные дети и больные родители. Вы:

1. продолжаете поиски соответствующей Вам работы,
2. продолжая поиски работы, довольствуетесь добытым «куском хлеба» от подвернувшейся работы,
3. просите милостыню,
4. продолжаете искать работу, но не отказываетесь даже от преступных методов добычи «куска хлеба»,
5. пробуете любое средство, вплоть до самых опасных и аморальных,
6. покидаете семью, считая себя никчемным и неспособным человеком,
7. пытаетесь покончить с собой.

Анализ полученных ответов выявил довольно интересную картину, отражающую поляризацию нашего общества, переоценку ряда традиционных, то есть, социально обусловленные явления, и, вместе с тем, стабильность многих основополагающих ценностей, феноменов, обусловленных исключительно биологическими механизмами.

Обращает на себя внимание сравнительно большая занятость среди женщин (72% против 56% мужчин) и более чем двукратное преобладание безработицы среди мужчин. При примерно одинаковых показателях гражданского состояния (чуть больше половины мужчин и женщин состояли в браке – 58 и 52% соответственно), по 36% их соответственно в браке не состояли. Но интересно четырехкратное доминирование женщин, указывающих на развод. Несмотря на большую социальную активность и занятость, женщины чаще, чем мужчины относили себя к необеспеченным людям. Так, 57 женщин (69%) из 83-х считали себя необеспеченными притом, что у 60-ти из них была постоянная работа. Среди респондентов были люди самых разных специальностей: врачи, медицинские сестры, психологи, юристы, экономисты, педагоги, механики и т.д.

В ситуации N1, в которой личность полностью свободна делать свой выбор самостоятельно (без какого-либо воздействия со стороны), большинство респондентов дали положительные ответы на 4-й и 5-й варианты – «не обращаю внимания и продолжаю свой путь» (42%) и «зову хозяина и предупреждаю об оплошности» (46%). Как видно, почти половина опрошенных остается совершенно равнодушной к оплошности других, а другая половина проявляет участие к проблеме чужих. С психобиологических позиций наши респонденты проявили кооперативное и альтруистическое поведение, с одной стороны, проявляя «отказ от конфликта», «не видение проблемы», а с другой, – проявили готовность «к жертвенности» ради блага других лиц или всего сообщества.

Причем, существенной разницы между социально обеспеченными и необеспеченными респондентами не отмечается, что свидетельствует об индифферентности социального фактора, и, возможно, о роли биологических факторов. Вместе с тем, между этими группами отмечается явное различие по 1-му варианту ответов – «беру ожерелье и спокойно удаляюсь» (2,4 и 13,5% соответственно), что говорит о большей склонности необеспеченных к совершению асоциальных поступков. К совершению такого же поступка мужчины склонны в 4 раза чаще женщин. А семейные респонденты в 2 раза чаще готовы «обогатиться»

за счет беспечности и оплошности других. Во всех этих вариантах решения проблемы явно доминирует социальный фактор поведения.

В ситуации N2, в которой остро сложившаяся ситуация диктует конкретную, реализуемую большинством форму поведения, личность стоит перед необходимостью выбора «не выделяться из толпы и принять ее условия «игры» или противопоставить себя ей и действовать в соответствии со своими нормами и установками. Большинство наших респондентов (62%) указали на 4-й вариант ответов – «оставляю их и удаляюсь», что отражает их нежелание участвовать в грабеже. В ситуации, диктующей конкретные условия, большинство наших респондентов обнаружили поведение, связанное с «односторонним накоплением жизненных преимуществ и направленное на максимальное повышение уровня собственной приспособленности». Иначе говоря, – «поведение выживания».

Однако, социальные условия людей заставляют их действовать в соответствии с этими условиями. Среди необеспеченных, а также семейных людей почти в 2 раза больше оказалось тех, кто готов «объяснить им суть содеянного». 18% мужчин (против 1% женщин) попытаются прекратить разбой и грабёж, причем исключительно пожилые люди (старше 61 года). Женщины чаще мужчин (8% против 1%) будут ждать, что же им достанется в конце разбоя. Будучи менее обремененными заботами, лица, не состоящие в браке, значительно чаще «оставляли и уходили» от грабежа, не принимая никакого участия в его продолжении или прекращении (76% и 47% соответственно).

В ситуации N3, предполагающей наличие длительного социального, психологического и материального кризиса, большинство респондентов выбрали 1-й и 2-й варианты ответов: «продолжаю поиск соответствующей работы» и «продолжаю поиски работы, довольствуясь добытым «куском хлеба» от подвернувшейся работы» (26 и 65 % соответственно). То есть, длительная кризисная ситуация диктует эгоистическое поведение, направленное на выживание. В этой ситуации практически полностью стирается разница между обеспеченными и необеспеченными людьми; мужчины больше, чем женщины, склонны к «продолжению поисков соответствующей работы» (15 и 30% соответственно) и почти в 4 раза чаще готовы к преступным методам добытия «куска хлеба» (7 и 30% соответственно). Семейные респонденты в 2 раза реже «будут продолжать поиски работы, но не откажутся от преступных методов добытия хлеба» (8 и 17% соответственно).

Таким образом, полученные нами данные подчеркивают роль и социальных, и биологических факторов в проявлении и становлении определенных форм социального поведения, в частности в формировании преступного (агрессивного) поведения. В индифферентной, неактивной ситуации личность свободна сама делать выбор, но, вместе с тем, ее материальное «благополучие» (социальный фактор) играет важную роль в выборе решения. Такую же «роль» играют пол (биологический фактор) и семейный статус (социальный фактор). Ситуация N2 ставит респондента перед выбором – поддаться влиянию среды или уйти. Большинство участников ситуации остаются верными своим жизненным принципам и «не участвуют в игре». Причем, все пожилые (старше 61 года) пытаются взять на себя роль воспитателя и объяснить людям суть содеянного, тем самым, оставаясь верными своим жизненным установкам, выработанными в течение жизни. Так же поступают все те, кто имеет семью. Интересно, что среди необеспеченных людей также оказалось больше (в два раза) тех, кто «пытается объяснить суть содеянного». О чем это говорит? Об устойчивости морально-этической структуры личности или отсутствии адаптивной гибкости, а может о биологически (генетически) предопределенной «неполноценности» – а именно, низком уровне агрессивности, или биологически обусловленной моральной стойкостью респондентов [15]. Тем более, что имеются работы [16, 17], указывающие на возможность генетического наследования некоторых дополнительных импульсивных проявлений агрессии (словесной агрессии, раздражительности, непрямой угрозы). В ситуации N3, ставящей в крайне ограниченное положение, обнаруживается стойкость жизненных принципов у большинства респондентов, пытающихся стойко «продолжать поиски работы». Причем социальные факторы (обеспеченные – необеспеченные, семейные – несемейные) перестают играть какую-либо существенную роль, уступая место биологическим факторам. Однако биологически предопределенный фактор пола определяет дальнейшее поведение в экстремальной ситуации. Мужчины оказались менее склонными к продолжению поисков работы и более склонными к совершению преступления. Чего же здесь больше? Природной агрессивности мужчин или социально предопределенной роли «кормильца»?

В последние годы в этологии стали развиваться представления об амбивалентности поведения человека (попеременном проявлении двух диаметрально противоположных мотиваций). Это, во многом, подтверждается и результатами

нашего исследования. Так, в процессе выбора того или иного действия, в зависимости от особенностей ситуации, отсутствия возможности выбора, наши респонденты проявляли самые разные формы поведения в зависимости от доминирования того или иного мотива. С одной стороны, это кооперативное и альтруистическое поведение, («отказ от конфликта», «не видение (игнорирование) проблемы»), с другой, – готовность «к жертвенности» ради блага других лиц или всего сообщества. В другом случае ситуация ставит респондентов перед выбором – поддаться влиянию среды или удалиться, уйти. Большинство участников ситуации остаются верными своим жизненным принципам и «не участвуют в игре». Длительная ситуация социального, психологического и материального кризиса диктует эгоистическое поведение, направленное на выживание. Ситуация, резко сокращающая возможности выбора, обнаруживает стойкость жизненных принципов у большинства респондентов. Кроме всего прочего, действия людей могут определяться также глубинными базовыми мотивациями. Социальные нормы часто входят в конфликт с внутренней сущностью и жизненными ориентирами каждого из нас. Именно в сфере социального поведения человек менее всего свободен от ограничений, наложенных на него эволюцией. Наглядной иллюстрацией этого тезиса является несоответствие между способностью контролировать среду обитания и несостоятельностью канализировать проявления социальной жизни [18].

Может, существует особый тип людей, склонных к нарушениям общепринятых норм поведения, для которых собственные желания (инстинкты) являются доминирующими, а принятые в обществе нормы – не обязательны? Здесь мы вынуждены сравнить людей с подобным поведением с преступниками (в широком смысле этого слова, то есть как людей переступивших принятые нормы и законы). Следует заметить, что особенности личности преступника не являются такими, которые отличали бы преступников от законопослушных людей [19]. Общеизвестно, что понятие личность включает такие категории как темперамент, характер и собственно личность – это сложная совокупность биологического (темперамент), социального (интериоризированная сумма опыта), психологического (представления о себе и других людях, внутренние конфликты между желаниями и препятствиями к их осуществлению, разнообразных травм и устремлений). Однако, справедливости ради, следует отметить, что многими авторами весьма условно разграни-

чиваются эти понятия и в их рамках описываются весьма близкие, идентичные свойства. А в некоторых случаях они представляются даже как взаимозаменяемые категории.

Прежде всего, необходимо отметить, что темперамент и характер, являясь индивидуальными формами реагирования, имеют совершенно разные корни. В настоящее время под термином темперамент принято понимать биологически обусловленные индивидуальные особенности и реакции, а под термином характер – психически обусловленные индивидуальные особенности и реакции. Темперамент, имея физиологической основой тот или иной тип высшей нервной деятельности (по И.П. Павлову), проявляется врожденными, наиболее стойкими, консервативными, практически неизменчивыми в течение всей жизни, свойствами, которые характеризуются силой, уравновешенностью и подвижностью. На основе темперамента формируются более специфические и значимые для каждого человека черты и свойства, определяющие его отношения с окружающей средой. Ананьев Б.Г. [20] в качестве основных компонентов характера выделил: жизненную направленность (интересы, потребности и идеалы), нравственные привычки (вкусы и привязанности), коммуникативность (отношение к другим людям), самооценка (отношения к самому себе), волевые, интеллектуальные и эмоционально-динамические свойства характера. С нашей точки зрения, это те компоненты личности, которые Леонтьев Д.А. определил как «человечность» [21]. В каждом из нас она определяется тем, как мы относимся к другим людям (знакомым, родным и чужим), к живой и неживой природе, миру в целом, каким «богам» поклоняемся и исповедуемся, какими ценностями ориентируемся и живем во враждебном, в принципе, мире. И личность человека определяются не выраженностью и характером тех или иных индивидуальных особенностей, а мерой их «индивидуального продвижения по пути очеловечивания» [21]. Характеризуя личность преступников, исследователи отмечают у многих из них, стандартность и стереотипность мышления, большую частоту (до 40%) психопатических черт характера. Личность преступника, естественно, не может быть охарактеризована однозначно. Специалисты выделяют несколько основных типов личности людей, совершающих преступления: последовательно криминогенный, ситуативно-криминогенный и ситуативный. Или же, трансполирую сказанное на общую популяцию, можно говорить о последовательно агрессивных, ситуативно-агрессивных и ситуативных типах людей.

Среди лиц, совершающих противозаконные, преступные, аморальные и антисоциальные действия, более половины (68%) имеют не мешающие их вменяемости расстройства психики [19, 22]. То есть, психические расстройства оказывают значительное влияние на совершение противоправных (агрессивных) действий, но неправильно приравнивать все формы психической патологии к патологии личности [23].

Аномалия психической деятельности основывается на морфологических или функциональных изменениях головного мозга, вследствие чего происходит изменение приспособления человека к окружающей природной и социальной среде. По сути – это явление биологическое, которое подвергается патогенетическому и патокинетическому влиянию социальной среды. Причем, не всегда эти явления можно и нужно обозначать как болезни, а именно, как нозологические формы. Как показывает опыт, наряду с более или менее очерченными нозологическими формами в нашей практике все чаще встречаются всевозможные реакции, состояния, развития, декомпенсации, личностные аномалии и т.д. Каждая личность, страдающая этими расстройствами, естественно, нуждается в помощи специалистов (психиатров, психотерапевтов, клинических психологов). Вместе с тем, у них преобладают нормальные психические явления и процессы, а потому такие лица сохраняют в основном свои социальные связи, в подавляющем большинстве случаев они трудоспособны, дееспособны и вменяемы.

Иными словами, если попытаться как-то обобщить результаты нашего эксперимента, то можно предположить, что в основе поведения человека, тех или иных проявлений его психики лежат определенные биологические механизмы, морфологические изменения мозга. Мозг и в своих неврологических (физиологических), и в психических проявлениях реагирует на изменения среды – материальной (косной), социальной, психологической (информационной). Именно среда фило- и онтогенетически формирует специфический аппарат, который «создает» человека как такового, и обеспечивает его взаимодействие со средой. То есть поведение человека, его психика имеют как биологические, так и социальные корни. Еще Павлов И.П. писал, что «...мозг в его высшей формации – человеческого мозга – создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания» [24]. И проявления поведения и психики всегда обусловлены той мерой «индивидуального продвижения по пути очеловечивания», которой достиг каждый человек в своем онтогене-

зе. Становление человека как Человека естествознание связывает с развитием мозга. Сегодня редко, кто сомневается, что человек обязан интеллектом своему относительно большому мозгу. При этом многие (если не все) игнорируют не малочисленные примеры так называемого «синдрома Маугли» (или *Homo fesus*), который проявляется тем, что дети растут и «воспитываются» в естественной среде, животными. У них тоже мозг имеет большой объем, но в плане развития интеллекта эти дети значительно уступают своим сверстникам. Следовательно, можно заключить, что мы заблуждаемся в отношении объема мозга, и предположить, что интеллект не связан с размерами мозга. Как считает Клягин Н.В., большой мозг развился у людей как побочный результат неотении [25].

Современный человек унаследовал биологические свойства и характеристики своих предков. Это подтверждается достижениями современной генетики и палеогенетики, позволяющие исследовать гены наших предков и человекоподобных существ, претендующих считаться нашим прародителем: это работы по секвенированию и сравнительно-генетическому анализу ядерной и митохондриальной ДНК «прародителей», что позволяют предположить «полифильность» современного человека, то есть он имеет более одного предка, каждый из которых привнес свой вклад в его становление. Это и неандерталец, и денисовский человек, и флоресский человек. Об этом мы писали в нашей статье «О природе человека: происхождение человека в свете новых антропологических находок» [5]. Следовательно, можно предположить, что и его поведение и психика «складывается» из составляющих психики каждого из предков. При этом, следует учитывать, что каждый из видов человека имел свою эволюцию – и биологическую, и психическую. И эта психика отличалась от той, которая функционирует сегодня. Безусловно, психика есть продукт эволюции. Но эволюции не в дарвиновском понимании, хотя влияние эволюционной теории сказалось в развитии психологических исследований в плане, как филогенеза, так и онтогенеза. Наша психика, как архив, хранит все, с чем человек когда-либо сталкивался и сталкивается в своей жизни. Психика сохраняет и передает в поколения все то, что составляло его содержание в фило- и онтогенезе. Развитие мозга на каждом этапе сохраняло старые механизмы отражения и познания, но создавало свои новые, более адекватные в актуальном времени и пространстве механизмы. При расстройствах психики (даже не патологических) старые формы и механизмы проявляются как не-

адекватные, патологические феномены, вызывающие дезадаптацию в поведении в той или иной форме. В относительно легких формах нарушения психики чаще наблюдаются качественно совершенно другие проявления, многие из которых любой клиницист отнесет к симптомам первого ранга по К. Шнайдеру [26]. Наиболее грубые формы поведения и коммуникации встречаются лишь в случаях глубокого распада психики (деменция и маразм). То есть, в хронологическом плане грубые формы нарушения поведения соответствуют значительно более древним людям.

Таким образом, можем предположить, что современный человек сохраняет в себе все (причем, не всегда наиболее целесообразные и выгодные) генотипические и фенотипические характеристики и свойства, когда-либо проявленные его предковыми формами. Старый признак не исчезал бесследно, а сохранялся как архаический феномен, и вместо него начинал действовать новый признак, который, в свою очередь, на очередном цикле развития, утрачивал свой адаптивный характер, и уступал место новому феномену. Клягин В.Н. [25] замечает, что в этом эволюционном процессе решающую роль играют взаимоотношения процессов неотении и акселерации. В силу неотении у приматов и у доисторических людей затормозились процессы эволюционного развития на уровне эволюции генов, хромосом, геномов. В результате геном людей сохранил «застойный облик», то есть древние гены, которые при внешних воздействиях могут вызвать так называемые «обратные мутации» (т.е. изменения, восстанавливающие предковый облик отдельных генов) [27].

Развитие человека происходило в «единстве и борьбе» двух противоположных процессов – неотении и акселерации. Неотения проявляется в возникновении простых, примитивных, инфантильных и даже эмбриональных признаков, что приводит к замедлению индивидуального развития организма. Именно способность сохранять во взрослом состоянии детские и эмбриональные особенности способствовала возникновению современного человека [25]. На протяжении своей эволюции гоминины (наши предки) все заметнее уподоблялись эмбрионам, что выразилось у них в грацилизации, т.е. в утончении костей скелета и приобретении изящества. На современном этапе развития человека это явление усиливается благодаря все большему «одомашниванию», цивилизации человека, что изнеживает и инфантилизует людей [28]. Инфантильный современный человек формирует свою среду (социальную), заложником которой он и является.

Список литературы:

1. Сукиасян С.Г. Агрессия: социальный или биологический феномен? Ереван: Асогик, 2002. 177 с.
2. Brown D.E. Human Universals. New York City: McGraw-Hill. 1991. p. 841-848 ISBN 0-87722.
3. Brown D.E. Human Universals and Their Implications. In Being Humans: Anthropological Universality and Particularity in Transdisciplinary Perspectives. Ed. by Neil Roughley. Berlin: Walter de Gruyter. 2000. p. 156-174.
4. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Политиздат, 1982. 304 с.
5. Сукиасян С.Г. О природе человека: происхождение человека в свете новых антропологических находок // Концепт. 2015. № 12 (декабрь). – ART 15408. – 1,1 п.л. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15408.htm>. – ISSN 2304-120X.
6. Schiefenovel W. Universals in interpersonal interactions // Nonverbal communication: Where nature meets culture / Eds. U. Segerstrale, P. Molnar. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 61 – 79.
7. Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
8. Wilson E.O. Sociobiology: the new synthesis. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982. P. 547-575.
9. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979. 352 с.
10. Кемпинский А. Психология шизофрении пер. с польск. СПб., 1998. 294 с. ISBN: 5-87399-057-3. <http://www.myword.ru>).
11. Sukiassian S., Manassian N. Aggression and human pathology: somatized mental disorders. // XI World Congress of Psychiatry, 1999, vol. 2, p. 155-156.
12. Manassian N., Kirakossian A., Tadevossian A., Sukiassian S., Babakhanian A. Situation of permanent stress: ways of somatization in borderline mental disorders and PTSD // XI World Congress of Psychiatry, 1999. vol. 2. p. 199.
13. Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М.: Мир, 1984. 566 с.
14. Макфарленд Д. Поведение животных: психобиология, этология и эволюция. М.: Мир, 1988. 487 с.
15. Гуськов Е.П. Биология, социология и принцип сублимации / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 1994. Спецвыпуск. С. 18-24.
16. Cossaro E.F. Bergeman C.S., Kavoussi R.J. et al. Heritability of aggression and irritability: a twin study of the Buss-Durkee aggression scales in adult male subjects // Biol. Psychiatry. 1997. Vol. 41. № 3. P. 273-284.
17. Miczek K.A., Maxson S.C., Fish E.W., Faccidomo S. Aggressive behavioral phenotypes in mice // Behav. Brain. Res. 2001. Vol. 125. № 1-2. P. 167-181.
18. Бутовская М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования (URL: <http://ethology.ru/library/?id=268>: Дата обращения: 16.05.2016)
19. Антонян Ю.М., Бородин С.З. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. 207 с.
20. Ананьев Б.Г. Воспитание характера школьника. Л., 1941. 84 с.
21. Леонтьев Д.А. К дифференциальной антропологии. // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: Материалы международной конференции. М., 2004. С. 107-109.
22. Закалюк А.П., Коротенко А.И., Москалюк Л.Н. Допреступное поведение и механизм совершения преступления при нарушениях психики пограничного характера // Проблемы изучения личности правонарушителя. М., 1984. 357 с.
23. Рохлин Л.Л. Проблема личности в психиатрическом аспекте // Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1970. Т. 2. С. 183-210.
24. Павлов И.П. Полное собрание трудов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 95.
25. Клягин Н.В. Современная научная картина мира. М.: Логос, 2007. 263 с.
26. Schneider K. Klinische Psychopathologie. – 12 unveränderte Auflage. George Thieme Verlag, Stuttgart, 1980, 174 S.
27. Оно С. Генетические механизмы прогрессивной эволюции. М.: Мир, 1973. 227 с.
28. Leach H.M. Human Domestication Reconsidered // Current Anthropology. 2003. Vol. 44, N3. pp. 349-368.

References (transliterated):

1. Sukiasyan S.G. Agressiya: sotsial'nyi ili biologicheskii fenomen? Erevan: Asogik, 2002. 177 s.
2. Brown D.E. Human Universals. New York City: McGraw-Hill. 1991. p. 841-848 ISBN 0-87722.
3. Brown D.E. Human Universals and Their Implications. In Being Humans: Anthropological Universality and Particularity in Transdisciplinary Perspectives. Ed. by Neil Roughley. Berlin: Walter de Gruyter. 2000. p. 156-174.
4. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. Genetika, povedenie, otvetstvennost'. M.: Politizdat, 1982. 304 s.
5. Sukiasyan S.G. O prirode cheloveka: proiskhozhdenie cheloveka v svete novykh antropologicheskikh nakhodok // Kontsept. 2015. № 12 (dekabr'). – ART 15408. – 1,1 p.l. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15408.htm>. – ISSN 2304-120X.
6. Schiefenovel W. Universals in interpersonal interactions // Nonverbal communication: Where nature meets culture / Eds. U. Segerstrale, P. Molnar. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. P. 61 – 79.
7. Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
8. Wilson E.O. Sociobiology: the new synthesis. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1982. R. 547-575.
9. Rusalov V.M. Biologicheskije osnovy individual'no-psikhologicheskikh razlichii. M.: Nauka, 1979. 352 s.
10. Kempinskii A. Psikhologiya shizofrenii per. s pol'sk. SPb., 1998. 294 s. ISBN: 5-87399-057-3. <http://www.myword.ru>).
11. Sukiassian S., Manassian N. Aggression and human pathology: somatized mental disorders. // XI World Congress of Psychiatry, 1999, vol. 2, p. 155-156.
12. Manassian N., Kirakossian A., Tadevossian A., Sukiassian S., Babakhanian A. Situation of permanent stress: ways of somatization in borderline mental disorders and PTSD // XI World Congress of Psychiatry, 1999. vol. 2. p. 199.
13. Erman L., Parsons P. Genetika povedeniya i evolyutsiya. M.: Mir, 1984. 566 s.
14. Makfarlend D. Povedenie zhivotnykh: psikhobiologiya, etologiya i evolyutsiya. M.: Mir, 1988. 487 s.

15. Gus'kov E.P. Biologiya, sotsiologiya i printsip sublimatsii / Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. 1994. Spetsvyпуск. S. 18-24.
16. Coccaro E.F. Bergeman C.S., Kavoussi R.J. et al. Heritability of aggression and irritability: a twin study of the Buss-Durkee aggression scales in adult male subjects // Biol. Psychiatry. 1997. Vol. 41. № 3. P. 273-284.
17. Miczek K.A., Maxson S.C., Fish E.W., Faccidomo S. Aggressive behavioral phenotypes in mice // Behav. Brain. Res. 2001. Vol. 125. № 1-2. P. 167-181.
18. Butovskaya M.L. Etologiya cheloveka: istoriya vzniknoveniya i sovremennye problemy issledovaniya (URL: <http://ethology.ru/library/?id=268>; Data obrashcheniya: 16.05.2016)
19. Antonyan Yu.M., Borodin S.Z. Prestupnost' i psikhicheskie anomalii. M.: Nauka, 1987. 207 s.
20. Anan'ev B.G. Vospitanie kharaktera shkol'nika. L., 1941. 84 s.
21. Leont'ev D.A. K differentsial'noi antropologii. // Nauka i budushchee: idei, kotorye izmenyat mir: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M., 2004. S. 107-109.
22. Zakalyuk A.P., Korotenko A.I., Moskalyuk L.N. Doprestupnoe povedenie i mekhanizm soversheniya prestupleniya pri narusheniyakh psikhiki pogrannichnogo kharaktera // Problemy izucheniya lichnosti pravonarushitelya. M., 1984. 357 s.
23. Rokhlin L.L. Problema lichnosti v psikhiatricheskom aspekte // Problemy lichnosti: Materialy simpoziuma. M., 1970. T. 2. S. 183-210.
24. Pavlov I.P. Polnoe sobranie trudov. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. T. 3. S. 95.
25. Klyagin N.V. Sovremennaya nauchnaya kartina mira. M.: Logos, 2007. 263 s.
26. Schneider K. Klinische Psychopathologie. – 12 unveranderte Auflage. George Thieme Verlag, Stuttgart, 1980, 174 S.
27. Ono S. Geneticheskie mekhanizmy progressivnoi evolyutsii. M.: Mir, 1973. 227 s.
28. Leach H.M. Human Domestication Reconsidered // Current Anthropology. 2003. Vol. 44, N3. pp. 349-368.